

оригинальная статья

УДК 159.9+316.6

Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики

Светлана Степановна Антипина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург

sveta-anti@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6807-8141>

Поступила в редакцию 05.02.2021. Принята к печати 26.02.2021.

Аннотация: Проблема агрессии, проявляемой в онлайн-коммуникациях, за последнее десятилетие привлекает все большее внимание. Существует необходимость в инструментах, выявляющих причины киберагрессивного поведения. В статье представлены результаты адаптации англоязычного опросника *Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ) (К. С. Runions) на русскоязычной выборке подростков. В теоретическую основу опросника положен подход, предложенный К. С. Runions, описывающий киберагрессию подростков через их мотивационные цели и способность к поведенческому самоконтролю, сформированные в четыре типа агрессивного поведения в Интернете. Общую выборку составили 421 респондент, учащиеся 5–9 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга в возрасте 10–15 лет. Участие в исследовании было добровольным, каждый имел информированное согласие родителя. С помощью процедур эксплораторного и конфирматорного факторного анализа подтверждена четырехфакторная модель опросника, пункты в русскоязычной версии распределены в соответствии с оригиналом. В ходе конфирматорного анализа были уравновешены все факторы по количеству утверждений. Итоговый вариант опросника включил в себя 23 утверждения. Структура опросника соответствует авторской и представлена следующими факторами: импульсивно-ответная киберагрессия, произвольно-ответная киберагрессия, произвольно-инициативная киберагрессия, импульсивно-инициативная киберагрессия. Опросник «Типология киберагрессии» обнаружил хорошие показатели дискриминативности и надежности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что опросник – надежный психодиагностический инструмент для изучения феномена киберагрессии, который может применяться в научных и практических целях. Понимание мотивов, способствующих киберагрессивному поведению, может помочь в разработке новых мер профилактики, основанных на индивидуальных различиях дезадаптивных факторов онлайн-агрессии.

Ключевые слова: подростки, онлайн-агрессия, самоконтроль, мотивация, надежность, конфирматорный факторный анализ

Цитирования: Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>

Введение

На сегодняшний день в современном обществе стремительно развиваются информационно-коммуникативные технологии, которые интенсивно входят во все сферы жизнедеятельности человека. Цифровой мир сегодня – существенная часть жизни многих граждан России. Молодые люди осваивают новые цифровые технологии и воспринимают их уже не только как инструменты для достижения целей, но и как полноценную среду обитания. Интернет – это пространство не только для новых возможностей, но и для новых рисков, связанных, как правило, с различными формами деструктивного онлайн-поведения. Высокие темпы освоения цифрового пространства и его особенности, с одной стороны, недостаточный уровень развития информационной грамотности и позитивной онлайн культуры, а также возрастно-психологические особенности подростков – с другой, делают их наиболее

уязвимыми к опасностям и угрозам деструктивного поведения в Интернете. По данным исследований, 86 % подростков и молодых людей сталкиваются с агрессией в интернет-пространстве. Лишь один из семи не встречается в сети с агрессией. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии [1].

Общение онлайн привлекает подростков своей простотой и удобством. Учитывая особенности данного общения (анонимность, отсутствие прямого контакта, независимость от времени и места, увеличение аудитории наблюдателей, отсутствие физических следов у жертвы, асинхронность онлайн-коммуникации, недостаточная проработка вопроса цифровой культуры, ощущение безнаказанности) [2–5], киберпространство становится платформой для девиантной активности. Отклоняющееся поведение в виртуальной

среде определяют современным термином *киберагрессия*, имеющим англоязычное происхождение.

В качестве наиболее распространенного определения киберагрессии приведем понятие, сформулированное D. W. Grigg: киберагрессия – это нанесение посредством использования цифровых устройств намеренного вреда одному человеку или группе людей, который воспринимается как оскорбительный, уничижительный, наносящий ущерб или нежеланный [6]. Первоначально в зарубежных исследованиях термины *киберагрессия* (*cyber-aggression*) и *кибербуллинг* (*cyber-bullying*) были синонимичны. Неопределенность в понимании формулировок понятий и способов их измерений позволяла применять термин *кибербуллинг* поверхностно [7; 8]. До сих пор во многих зарубежных исследованиях эта синонимичность сохраняется. Впоследствии были сделаны выводы, что киберагрессия – это более широкое понятие и охватывает более широкий спектр явлений. Она включает в себя кибербуллинг, и в более широком смысле определяется как любое преднамеренное злонамеренное действие, совершаемое в Интернете [9; 10]. Отечественные ученые придерживаются аналогичной позиции [11; 12].

По мнению ученых, проявления киберагрессии могут изменяться в зависимости от мотивов, побуждающих к агрессии в интернет-пространстве. В 2009 г. J. J. Dooley, J. Pyzalski и D. Cross предложили рассматривать киберагрессию с позиции реактивной и проактивной агрессии [13]. Реактивная агрессия понимается как импульсивная агрессивная реакция в контексте возмездия за какое-то (мнимое или реальное) оскорбление или нападение. В отличие от мести, реактивная агрессия – необдуманные формы поведения. Проактивная агрессия обычно понимается как неспровоцированные акты агрессии, совершаемые обдуманно.

На основе данной теории в 2013 г. К. С. Runions предложил четырехстороннюю модель киберагрессии, основанную на двух ортогональных измерениях – мотивационных целях (инициативных и ответных) и регулятивном контроле (импульсивном и произвольном) [14]. Импульсивные действия возникают в контексте подсознательной когнитивной оценки сигнала окружающей среды, вызывающего сильную аффективную реакцию и сильную тенденцию к действию или побуждение к действию [15]. В производстве импульсивного поведения это действует без оглядки на последствия, особенно в долгосрочной перспективе. Такое поведение необходимо для немедленной эмоциональной отдачи. В отличие от этого, обдуманные акты киберагрессии совершаются путем привлечения способностей к самоконтролю для достижения определенной цели. Второе измерение в четырехсторонней модели отражает природу этой эмоциональной отдачи. Инициативные мотивы направлены на получение положительного эмоционального состояния для агрессора. Ответные мотивы направлены на снятие негативных эмоциональных состояний. Постулируя два ортогональных измерения (инициативное и ответное; импульсивное и произвольное), эта модель

		МОТИВАЦИОННЫЕ	ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
		Инициативные мотивы	Ответные мотивы
САМОКОНТРОЛЬ	Импульсивные	Импульсивно-инициативная агрессия, развлечение	Импульсивно-ответная агрессия, ярость
	Произвольные	Произвольно-инициативная агрессия, вознаграждение	Произвольно-ответная агрессия, месть

Рис. 1. Четырехсторонняя типология киберагрессии (на основе четырехсторонней типологии киберагрессии К. С. Runions), различающая мотивационную направленность агрессии и способность к самоконтролю

Fig. 1. Four-sided typology of cyber-aggression, which distinguishes the motivation and self-control

мотива и самоконтроля производит четыре различных квадранта (рис. 1).

Импульсивно-ответный квадрант отражает действия, совершаемые в ответ на воспринимаемую провокацию. Произвольно-ответная киберагрессия также возникает как средство избавления от негативных эмоций в ответ на предполагаемую провокацию. Но здесь проявляются способности к самоконтролю, и производство агрессии, скорее всего, примет форму рассчитанной расплаты или мести. Это отличает ее от произвольно-инициативной агрессии, где самоконтроль осуществляется, но в интересах создания положительного аффекта посредством обдуманных усилий. Акцент – на силовом контроле в погоне за некоторой экологической наградой, такой как достижение социального статуса, посредством запугивания [15]. Импульсивно-инициативный квадрант отражает спонтанно продуцируемое поведение, осуществляемое без учета долгосрочных последствий, возникает из непосредственного положительного аффекта, порожденного агрессивным актом. Получение положительных эмоций здесь и сейчас – развлечение, шутка.

В настоящее время относительно небольшое количество исследований посвящено изучению мотивов киберагрессии в более широком смысле. J. Raskauskas и A. D. Stoltz в своих работах выявили мотивы мести и развлечения [16]. По данным L. Compton, M. Campbell и A. Mergler, среди ключевых мотивов были выделены стремление к власти и статусу, поиск развлечений или избавление от скуки, а также использование киберагрессии в качестве безопасного средства возмездия [17]. Основными мотивами киберагрессии у подростков выступили власть и развлечения, освобождение от накопившегося негатива, возможность слива для негативных переживаний и эмоций, зачастую

за счет переадресации этих эмоций другим, более слабым и уязвимым. Подростки часто выбирают желание отомстить и причинить вред другому, т. е. намеренную агрессию, поддерживать свою репутацию и добиться определенной цели или выгоды, желание поэкспериментировать и посмотреть на реакцию других людей [1].

В настоящий момент мировая психология активно разрабатывает методы диагностики киберагрессии. В зарубежной науке с этой задачей успешно справляется целый ряд тестов, среди которых заслуживает внимание опросник «Типология киберагрессии» (*Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ)). В современных отечественных исследованиях диагностика киберагрессии происходит посредством применения анкет, опросников, а также в контексте анализа обращений клиентов на телефонную линию помощи. Таким образом, вопросы выявления, превенции киберагрессии являются актуальным исследовательским полем в отечественной и зарубежной науке.

Методы и материалы

Цель исследования, представленного в статье, заключается в адаптации англоязычного опросника CATQ для русскоязычной выборки подростков. Предварительно нами было получено письменное согласие автора оригинальной методики на ее применение и модификацию в России.

Структура и описание методики «Типология киберагрессии» (CATQ). Англоязычная версия опросника состоит из 29 утверждений, относящихся к 4 факторам. 1 фактор включает двенадцать утверждений, 2 и 3 факторы – по шесть утверждений и 4 фактор – пять утверждений. Первый фактор – импульсивно-ответная киберагрессия, это ответная реакция на провокации других пользователей интернет-пространства, вызванная негативным эмоциональным состоянием агрессора (*ярость*). Второй фактор – произвольно-ответная киберагрессия, предполагает действия, основанные на самоконтроле, призванные компенсировать негативные эмоциональные эффекты, вызванные поведением партнера по интернет-коммуникациям (*мсть*). Третий фактор – произвольно-инициативная киберагрессия, активные действия, направленные на достижение положительных эффектов в долгосрочных перспективах (*вознаграждение*). Четвертый фактор – импульсивно-инициативная киберагрессия, проявление спонтанных действий, осуществляются без внимания к долгосрочным последствиям и определяются положительными эмоциями от текущего агрессивного акта (*отдых, развлечение*).

Ответы оцениваются респондентами по шкале Лайкерта (1 – точно про меня, 2 – скорее про меня, 3 – скорее не про меня, 4 – точно не про меня). Респондентам предлагается следующая инструкция: *Прочитай, пожалуйста, утверждения, и отметь, насколько они соответствуют тому, как обычно поступаешь ты. Для этого поставь галочку в одном из столбиков: точно про меня, скорее про меня, скорее не про меня, точно не про меня.*

С практической точки зрения этот опросник является кратким, простым в реализации и интерпретации, экономичным по времени. Кроме того, его можно включать в программу скринингового обследования обучающихся.

Участники исследования. Общая выборка составила 421 респондента: подростки в возрасте от 10 до 15 лет, учащиеся школ г. Санкт-Петербург. Средний возраст респондентов – 12,3 года, 48,5 % мальчиков и 51,5 % девочек. Участие в исследовании было добровольным, проводилось во внеурочное время. От подростков и их родителей (законных представителей) были получены информированные согласия на участие в исследовании. Подобная численность для данного типа исследований является приемлемой, если ориентироваться на Стандарт Европейской федерации психологических ассоциаций EFPA [18].

Методика. Русская версия разрабатывалась посредством перевода англоязычной версии методики CATQ на русский язык. Русскоязычная версия опросника отражает смысловую нагрузку оригинального текста и соответствует лингвистическим нормам русского языка.

Результаты

Факторная структура

Структура опросника проверялась сразу несколькими методами, а именно методами эксплораторного факторного анализа, реализованного в программном пакете IBM SPSS (версия 23.0) (все последующие вычисления проводились в данном программном пакете), и методом конфирматорного факторного анализа с помощью программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS (версия 23.0) [19; 20]. В первую очередь был проведен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с косоугольным вращением и нормализацией по Кайзеру, который подтвердил четырехфакторное решение (значение критерия выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина составило 0,97 при значимом показателе критерия сферичности Бартлетта, равному 8619,3 ($df=406$), $p<0,001$).

Следующим шагом в подтверждении структуры теста стало проведение конфирматорного факторного анализа [19; 20]. После построения Априорной модели 1 (четырефакторная структура, включающая 29 утверждений, полностью соответствующая авторской версии) мы зафиксировали некоторые свободные параметры для одной из латентных переменных каждого фактора, задав их равными 1. Модель 1 показала удовлетворительные показатели соответствия исходным данным ($\chi^2=1112,45$, $df=371$, CMIN/DF=3,023 при $p<0,001$, CFI=0,911, RMSEA=0,069). Таким образом, ее корректировка не требуется. Статистическая значимость регрессионных коэффициентов также не дает оснований для удаления каких-либо переменных из Модели 1 (табл. 1).

Табл. 1. Регрессионные коэффициенты, $p < 0,001$ Tab. 1. Regression coefficients, $p < 0,001$

	Утверждение	Связь с фактором	Регрессионный коэффициент
1	Если мне пытаются навредить, я немедленно отомщу обидчику в Интернете	фактор 1	0,878
2	Если меня дразнят или угрожают, я могу легко разозлиться и ответить, используя Интернет	фактор 1	0,953
3	Я использую Интернет, чтобы отомстить тому, кто отправляет мне обидное сообщение	фактор 1	1,016
4	Если кто-то в Интернете пытается разозлить меня, я резко на это реагирую, размещая соответствующие тексты и репосты в ответ	фактор 1	1,022
7	Если я вижу сообщение в чате, которое меня злит, я могу сильно нагрубить, о чем потом сожалею	фактор 1	0,867
8	Если кто-то пытается унижать меня в онлайн, я отвечаю тем же	фактор 1	0,926
9	Если кто-то пишет мне что-то обидное в сети, я сразу же отправляю негативное сообщение в ответ	фактор 1	0,992
10	Если кто-то критикует меня в онлайн-сообщениях или репостах, я часто реагирую агрессивно, не думая о последствиях	фактор 1	1,008
11	Я могу поспешно ответить на что-то обидное в Интернете, позже сожалею, что так поступил	фактор 1	0,760
12	Я сразу же отвечаю на онлайн-сообщения или репосты, в которых вижу неуважение ко мне	фактор 1	0,872
6	Я слишком остро реагирую, не думая о последствиях, когда кто-то говорит что-то плохое обо мне в социальных сетях	фактор 1	0,898
5	Если кто-то насмехается надо мной в социальных сетях, я расстраиваюсь и сразу же пишу в ответ плохое сообщение	фактор 1	0,990
14	Если кто-то попытается обидеть меня в чате, я отвечу ему в удобное для меня время	фактор 2	0,303
18	Если я вижу неприятное сообщение обо мне в сети, я расстраиваюсь и долго вынашиваю план как бы мне покатиться с обидчиком	фактор 2	0,836
17	Если бы я хотел отомстить кому-то, я бы воспользовался социальными сетями в Интернете, планируя свои действия	фактор 2	0,903
16	Когда я злюсь на кого-то, я обдумываю план мести в Интернете	фактор 2	1,196
15	Я часто возвращаюсь к переписке с теми, кто высмеивает меня в Интернете, я много думаю об этом и переживаю	фактор 2	0,679
13	Если бы кто-то причинял мне вред в онлайн-переписках, я бы не сразу стал отвечать	фактор 2	0,223
20	Иногда я объединяюсь с друзьями, чтобы над кем-то поиздеваться в онлайн	фактор 3	1,013
24	Я иногда способен кого-то публично унижить, переписываясь в чате	фактор 3	0,990
23	Я могу использовать фэйковую страницу в Интернете, чтобы разрушить чужую дружбу	фактор 3	0,977
22	Когда мне не нравится человек, я могу использовать злостные переписки в чате, делая все возможное, чтобы он не чувствовал себя частью нашей группы	фактор 3	1,047
21	Иногда мне нравится унижать других людей в онлайн-переписках	фактор 3	1,012
19	Если мне кто-то не нравится, я воспользуюсь социальными сетями, чтобы настроить других против него	фактор 3	0,989
26	Я могу высмеивать незнакомых мне людей в Интернете, не переживая за последствия	фактор 4	1,033
29	Шутить онлайн так весело, что меня не беспокоит, могу ли я кого-нибудь обидеть своими шутками или нет	фактор 4	1,076
28	Я постоянно раздражаю людей в онлайн-переписках, считая это забавным	фактор 4	0,929
27	Если я веселюсь и шучу в Интернете, я не думаю, что мои шутки могут кому-то сделать больно	фактор 4	0,865
25	Мне весело обсуждать кого-то в Интернете, а другим кажется, что я злобно высмеиваю кого-то	фактор 4	0,934

Проверка нормальности и оценка приемлемости объема выборки

Корректность применения конфирматорного факторного анализа подтверждается достаточной численностью выборки и многомерной нормальностью распределения переменных. Выборка является приемлемой по численности (N), если выполняется соотношение $N > 5T$ (где T – число оцениваемых параметров) [19; 20]. В нашем случае $T=64$, $N=421$, т. е. для нашей модели численность выборки является приемлемой. Многомерная нормальность распределения переменных проверяется по значению многомерного эксцесса (*Multivariate Kurtosis*) и его критического отношения (CR), вычисляемых программой AMOS. В нашем случае CR – чуть меньше пяти, следовательно, предположение о многомерной нормальности переменных не нарушено, выбранный метод оценки вполне корректен.

Для того чтобы показатели для разных мотивов киберагрессии были сопоставимы друг с другом, было принято решение уравнивать количество утверждений, относящихся к каждому из факторов. Используя полученные данные о регрессионном коэффициенте для каждого утверждения, соответствующего фактору 1, была проведена проверка сравнения различий хи-квадратов, получаемых при удалении утверждений. В ходе данной проверки мы исключили ряд утверждений, получив Модель 2 (сокращенный вариант). Модель 2 продемонстрировала хорошие показатели ($\chi^2=543,25$, $df=218$, $CMIN/DF=2,49$ при $p<0,001$, $CFI=0,951$, $RMSEA=0,059$). Значения критериев согласия находятся в допустимых пределах, следовательно, модель можно признать соответствующей данным. Если сравнить полученные результаты с данными конфирматорного факторного анализа четырехфакторной модели оригинального опросника CATQ ($\chi^2=178,58$, $df=81$, $CMIN/DF=2,2$ при $p<0,001$, $CFI=0,95$, $RMSEA=0,061$) [21], русскоязычный опросник не уступает по своим показателям англоязычной версии, а даже по некоторым – превосходит.

Как мы видим на рис. 2¹, где представлена структурная модель (сокращенный вариант), факторные нагрузки соответствуют прогнозируемой модели.

Как и следовало ожидать, четыре фактора были взаимосвязаны (табл. 2): два типа ответной киберагрессии коррелируют на уровне 0,91, а два типа инициативной киберагрессии – на уровне 0,92. Обе импульсивные формы киберагрессии были коррелированы на уровне 0,82, а произвольные формы киберагрессии – на уровне 0,87. Наконец, поперечные диагонали показывают, что импульсивно-ответная киберагрессия коррелировала с произвольно-инициативной на уровне 0,89, а импульсивно-инициативная коррелировала с произвольно-ответной на уровне 0,77.

Результаты применения конфирматорного факторного анализа свидетельствуют о четырехфакторной структуре

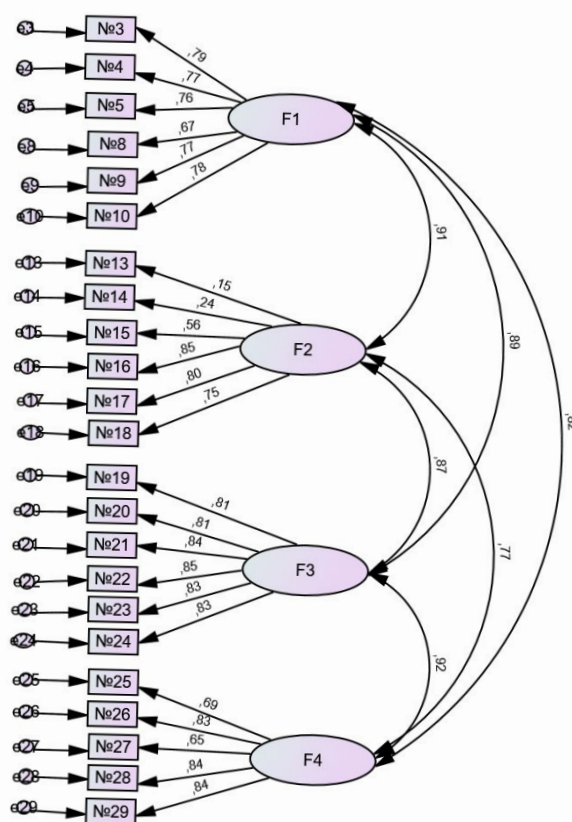

Рис. 2. Структурная диаграмма четырехфакторной модели (сокращенный вариант)

Fig. 2. Structure diagram of the four-factor model (abbreviated version)

опросника. Факторную валидность соответствующих факторов подтверждает отсутствие их пересечений – каждый вопрос (утверждение) опросника статистически значимо связан только с одним из факторов, а связь с другим фактором неотличима от 0, что убеждает в самостоятельности выделяемых этими факторами латентных конструкторов.

Дискриминативность и надежность

Для проверки дискриминативности и надежности было проведено несколько измерений. Прежде всего, было рассчитано значение Лямбды Уилкса для четырех факторов. Для фактора 1 – 0,139, для фактора 2 – 0,219, для фактора 3 – 0,078, для фактора 4 – 0,183 при $p<0,001$. Оценка одномерной надежности теста осуществлялась с помощью вычисления коэффициента α -Кронбаха [22] (α составила 0,89; 0,75; 0,93; 0,88 соответственно). Опросник продемонстрировал убедительные доказательства своей дискриминативности и надежности.

¹ В прямоугольных контурах – явные переменные-индикаторы, в округлых контурах – латентные факторы и «ошибки» измерения, числа у направленных стрелок – стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок – величины корреляций между переменными.

Далее для каждого респондента рассчитывался суммарный балл по каждому фактору как сумма входящих в него пунктов. В табл. 3 приведены основные статистические показатели факторных значений в зависимости от пола и возраста. Статистики асимметрии и эксцесса по модулю не превышают 1, следовательно, можно считать распределения для каждого фактора приблизительно нормальными.

Таким образом, на русскоязычной выборке подтверждена четырехфакторная структура опросника. Не все 29 пунктов англоязычного варианта методики сохранились, но распределились по факторам в соответствии с зарубежным оригиналом. Представленный опросник расширяет взгляд на феномен девиантной активности в виртуальной среде. Его достоинства состоят в том, что опросник позволяет измерить выраженность как общего уровня киберагрессии, так и разных ее составляющих за короткий временной промежуток.

Заключение

Столкновение с киберагрессией является частью онлайн-коммуникаций в современном обществе. Правила, нормы и формы поведения в цифровом пространстве еще не сформированы в полной мере. Культура поведения в онлайн-мире имеет свою специфику. Распространенность киберагрессии и различных ее форм требует выработки дифференцированных подходов как к профилактике ситуаций киберагрессии, так и к диагностике.

Результаты адаптации опросника SATQ на русский язык демонстрируют возможности опросника оценивать киберагрессию с позиции самоконтроля и мотивации: анализ надежности шкал с помощью метода α -Кронбаха показал высокую надежность теста; факторный анализ (эксплораторный и конфирматорный) подтверждает теоретическую структуру методики, выделяющую 4 фактора киберагрессии; шкальная структура позволяет оценить выраженность общего уровня и конкретного вида киберагрессии (импульсивно-

Табл. 2. Факторная нагрузка и коэффициент корреляции шкал опросника

Tab. 2. Factor load and correlation coefficient of the questionnaire scales

Показатели	1	2	3	4	MS (SD)
Импульсивно-ответная киберагрессия (1)	–	0,91	0,89	0,82	18,5 (5)
Произвольно-ответная киберагрессия (2)	0,72	–	0,87	0,77	17,7 (4)
Произвольно-инициативная киберагрессия (3)	0,80	0,69	–	0,92	19,9 (5,5)
Импульсивно-инициативная киберагрессия (4)	0,72	0,60	0,82	–	16 (4)

Прим.: Значения выше диагонали отражают корреляции между факторами в конфирматорном анализе; значения ниже диагонали отражают коэффициент корреляции Пирсона (при $p < 0,01$).

Табл. 3. Описательные статистики ($M \pm S$) по каждому фактору, рассчитанные с учетом возраста и пола респондентов

Tab. 3. Descriptive statistics ($M \pm S$) for each factor, taking into account age and gender

Фактор Возраст	Импульсивно- ответная киберагрессия	Произвольно- ответная киберагрессия	Произвольно- инициативная киберагрессия	Импульсивно- инициативная киберагрессия
<i>Девочки</i>				
10 лет	21,2 $\pm$ 3,6	19,1 $\pm$ 3,6	22,5 $\pm$ 3,3	18,7 $\pm$ 2
11 лет	19,2 $\pm$ 3,6	18,1 $\pm$ 3,6	21,8 $\pm$ 2,8	17,7 $\pm$ 2,7
12 лет	18,7 $\pm$ 4,2	17,3 $\pm$ 3,8	21 $\pm$ 4	16,4 $\pm$ 4,2
13 лет	16,6 $\pm$ 6,1	16,5 $\pm$ 4,5	17,4 $\pm$ 7,4	14,2 $\pm$ 5,1
14 лет	19,5 $\pm$ 3,9	18,5 $\pm$ 3,9	20,9 $\pm$ 4,1	16,5 $\pm$ 3,3
15 лет	16,1 $\pm$ 6,6	15,7 $\pm$ 5,3	16,4 $\pm$ 7,2	13,3 $\pm$ 5,5
<i>Мальчики</i>				
10 лет	19,4 $\pm$ 4	18,3 $\pm$ 4,3	21,5 $\pm$ 3,6	17,6 $\pm$ 2
11 лет	21,4 $\pm$ 3	19 $\pm$ 3,9	21,6 $\pm$ 4,2	17,9 $\pm$ 2,7
12 лет	17,2 $\pm$ 5,2	18,3 $\pm$ 3,3	18,7 $\pm$ 5,9	15,3 $\pm$ 4,6
13 лет	16,7 $\pm$ 5,8	16,6 $\pm$ 4,6	17,9 $\pm$ 5,9	14,4 $\pm$ 4,9
14 лет	19,1 $\pm$ 3,5	18,9 $\pm$ 2,7	20,6 $\pm$ 3,6	16,2 $\pm$ 2,8
15 лет	14,8 $\pm$ 6,4	14,9 $\pm$ 5,8	15,9 $\pm$ 7,3	12,4 $\pm$ 5,8

ответная, произвольно-ответная, произвольно-инициативная и импульсивно-инициативная).

Психометрическая проверка позволяет признать русскоязычную методику «Типология киберагрессии» в качестве объективного инструмента для измерения киберагрессии, а также подтвердить четырехфакторную структуру данного опросника. Но в перспективе исследования требуется проведение дополнительных мероприятий, направленных на подтверждение ретестовой надежности. Например, измерение импульсивности или способности к саморегуляции может помочь в более глубоком понимании выраженности факторов.

Необходимы дополнительные исследования с более крупными размерами выборки для подтверждения последовательности факторной структуры в зависимости от пола и возраста. Учитывая, что способности к поведенческой и эмоциональной саморегуляции продолжают развиваться в подростковом возрасте [23], возможно, это позволит объяснить средние различия в описательных статистиках по каждому фактору. Кроме того, требуется дальнейшее

тестирование, чтобы лучше установить валидность и надежность опросника «Типология киберагрессии».

Полученные результаты могут быть использованы в процессе планирования и разработки профилактических программ, посвященных проблемам онлайн-коммуникаций и кибербезопасности. Сюда можно отнести повышение осведомленности взрослых (родителей, учителей) о различных видах киберагрессии, о способах их профилактики и поддержки подростков, формирование коммуникативной и конфликтологической компетентности подрастающего поколения, повышение цифровой грамотности.

Благодарности

Автор выражает благодарность и глубокую признательность создателю оригинальной методики *Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ) К. С. Рунюна за согласие на ее применение и модификацию в России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
2. Бочавер А. А., Холмов К. Д. Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
3. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2008. Vol. 2. № 2. Режим доступа: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256> (дата обращения: 04.08.2020).
4. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140. № 4. P. 1073–1137. DOI: 10.1037/a0035618
5. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying // *General Psychiatry*. 2020. Vol. 33. № 3. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187
6. Grigg D. W. Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying // *Australian Journal of Guidance and Counselling*. 2010. Vol. 20. № 2. P. 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
7. Bauman S., Underwood M. K., Card N. Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression // *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology* / eds. S. Bauman, D. Cross, J. Walker. N. Y.: Routledge, 2013. P. 41–46. DOI: 10.4324/9780203084601
8. Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P. K. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2012. Vol. 15. № 9. P. 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040
9. Schoffstall C. L., Cohen R. Cyber aggression: The relation between online offenders and offline social competence // *Social Development*. 2011. Vol. 20. № 3. P. 587–604. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2011.00609.x
10. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, Internet use, and personal characteristics // *Journal of Adolescence*. 2004. Vol. 27. № 3. P. 319–336. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.03.007
11. Черенков Д. А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // *Nauka-Rastudent.ru*. 2015. № 7. Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (дата обращения: 15.01.2021).
12. Шаров А. А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 3. С. 255–261.
13. Dooley J. J., Pyżalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // *Zeitschrift für Psychologie*. 2009. Vol. 217. № 4. P. 182–188. DOI: 10.1027/0044-3409.217.4.182

14. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation // Journal of Youth and Adolescence. 2013. Vol. 42. № 5. P. 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2
15. Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. Bullying is power: Implications for school-based intervention strategies // Journal of Applied School Psychology. 2003. Vol. 19. № 2. P. 157–176. DOI: 10.1300/J008v19n02_10
16. Raskauskas J., Stoltz A. D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43. № 3. P. 564–575. DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.564
17. Compton L., Campbell M., Mergler A. Teacher, parent and student perceptions of the motives of cyberbullies // Social Psychology of Education. 2014. Vol. 17. № 3. P. 383–400. DOI: 10.1007/s11218-014-9254-x
18. Батулин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов: часть III // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 4. С. 4–18.
19. Byrne B. M. Structural Equation Modeling With AMOS: Basic Concepts, Applications and Programming. 2nd ed. (Multivariate applications series). N. Y.: Taylor & Francis Group, 2010. 396 p.
20. Наследов А. Д. IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
21. Runions K. C., Bak M., Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ) // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. № 1. P. 74–84. DOI: 10.1002/ab.21663
22. Шмелев А. Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013. 688 с.
23. Steinberg L., Albert D., Cauffman E., Banich E., Graham S., Woolard J. Age differences in sensation seeking and impulsivity as indexed by behavior and self-report: Evidence for a dual systems model // Developmental Psychology. 2008. Vol. 44. № 6. P. 1764–1778. DOI: 10.1037/a0012955

Опросник «Типология киберагрессии» (русскоязычная версия)

Инструкция: Прочитай, пожалуйста, утверждения, и отметь, насколько они соответствуют тому, как обычно поступаешь ты. Для этого поставь галочку в одном из столбиков: точно про меня, скорее про меня, скорее не про меня, точно не про меня.

Вопрос		Точно про меня	Скорее про меня	Скорее не про меня	Точно не про меня
1	Я использую Интернет, чтобы отомстить тому, кто отправляет мне обидное сообщение				
2	Если кто-то в Интернете пытается разозлить меня, я резко на это реагирую, размещая соответствующие тексты и репосты в ответ				
3	Если кто-то насмехается надо мной в социальных сетях, я расстраиваюсь и сразу же пишу в ответ плохое сообщение				
4	Если кто-то пытается унижать меня в онлайн, я отвечаю тем же				
5	Если кто-то пишет мне что-то обидное в сети, я сразу же отправляю негативное сообщение в ответ				
6	Если кто-то критикует меня в онлайн-сообщениях или репостах, я часто реагирую агрессивно, не думая о последствиях				
7	Если бы кто-то причинял мне вред в онлайн-переписках, я бы не сразу стал отвечать				
8	Если кто-то попытается обидеть меня в чате, я отвечу ему в удобное для меня время				
9	Я часто возвращаюсь к переписке с теми, кто высмеивает меня в Интернете, я много думаю об этом и переживаю				
10	Когда я злюсь на кого-то, я обдумываю план мести в Интернете				
11	Если бы я хотел отомстить кому-то, я бы воспользовался социальными сетями в Интернете, планируя свои действия				
12	Если я вижу неприятное сообщение обо мне в сети, я расстраиваюсь и долго вынашиваю план как бы мне покончить с обидчиком				
13	Если мне кто-то не нравится, я воспользуюсь социальными сетями, чтобы настроить других против него				
14	Иногда я объединяюсь с друзьями, чтобы над кем-то поиздеваться в онлайн				
15	Иногда мне нравится унижать других людей в онлайн-переписках				

	Вопрос	Точно про меня	Скорее про меня	Скорее не про меня	Точно не про меня
16	Когда мне не нравится человек, я могу использовать злостные переписки в чате, делая все возможное, чтобы он не чувствовал себя частью нашей группы				
17	Я могу использовать фэйковую страницу в Интернете, чтобы разрушить чужую дружбу				
18	Я иногда способен кого-то публично унижить, переписываясь в чате				
19	Мне весело обсуждать кого-то в Интернете, а другим кажется, что я злобно высмеиваю кого-то				
20	Я могу высмеивать незнакомых мне людей в Интернете, не переживая за последствия				
21	Если я веселюсь и шучу в Интернете, я не думаю, что мои шутки могут кому-то сделать больно				
22	Я постоянно раздражаю людей в онлайн-переписках, считая это забавным				
23	Шутить онлайн так весело, что меня не беспокоит, могу ли я кого-нибудь обидеть своими шутками или нет				

Ответы оцениваются: точно про меня – 1 балл, скорее про меня – 2 балла, скорее не про меня – 3 балла, точно не про меня – 4 балла.

По каждому фактору подсчитывается «сырой балл» как сумма оценок по входящим в нее утверждениям:

фактор 1 – импульсивно-ответная киберагрессия, утверждения 1, 2, 3, 4, 5, 6;

фактор 2 – произвольно-ответная киберагрессия, утверждения 7, 8, 9, 10, 11, 12;

фактор 3 – произвольно-инициативная киберагрессия, утверждения 13, 14, 15, 16, 17, 18;

фактор 4 – импульсивно-инициативная киберагрессия, утверждения 19, 20, 21, 22, 23;

общая сумма по всем факторам – Суммарный показатель проявления киберагрессии.

original article

Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics

Svetlana S. Antipina

Herzen State Pedagogical University, Russia, St. Petersburg

sveta-anti@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6807-8141>

Received 5 Feb 2021. Accepted 26 Feb 2021.

Abstract: The problem of online aggression has attracted increasing attention over the past decade. Various studies revealed a need for tools that would identify the causes of aggressive behavior in cyberspace. The article presents the results of the adaptation of the English-language Cyber-Aggression Typology Questionnaire (CATQ) by K. C. Runions on 421 Russian-speaking teenagers aged 10–15 years (St. Petersburg). The method features four types of online aggression. K. C. Runions describes the cyber-aggression in teenagers through their motivational goals and the ability to behavioral self-control. The procedures of exploratory and confirmatory factor analysis confirmed the four-factor model of the original questionnaire. All factors were balanced by the number of statements. The final version of the questionnaire included 23 statements. The structure of the questionnaire was represented by the following factors: impulsive-aversive cyber-aggression, controlled-aversive cyber-aggression, controlled-appetitive cyber-aggression, and impulsive-appetitive cyber-aggression. The questionnaire showed good indicators of discriminativeness and reliability; it can serve as a reliable psychological diagnosis tool for studying the phenomenon of cyber-aggression in scientific and practical purposes. Understanding the motivations behind cyber-aggressive behavior can help to develop new preventive measures based on individual differences in the disadaptive factors of online aggression.

Keywords: adolescents, cyber-aggression, self-control, motivation, reliability, confirmatory factor analysis

Citation: Antipina S. S. Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 113–122. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Dreneva A. A., Iliukhina S. N. *We are responsible for the digital world: Preventing destructive behavior of adolescents and youth on the Internet*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2019, 176. (In Russ.)
2. Bochaver A. A., Kholmov K. D. Cyberbullying: Harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014, 11(3): 177–191. (In Russ.)
3. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2008, 2(2). Available at: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256> (accessed 4 Aug 2020).
4. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 2014, 140(4): 1073–1137. DOI: 10.1037/a0035618
5. Panumaporn J., Hongsaengsri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 2020, 33(3). DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187
6. Grigg D. W. Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2010, 20(2): 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
7. Bauman S., Underwood M. K., Card N. Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*, eds. Bauman S., Cross D., Walker J. N. Y.: Routledge, 2013, 41–46. DOI: 10.4324/9780203084601
8. Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P. K. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2012, 15(9): 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040
9. Schoffstall C. L., Cohen R. Cyber aggression: The relation between online offenders and offline social competence. *Social Development*, 2011, 20(3): 587–604. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2011.00609.x
10. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, Internet use, and personal characteristics. *Journal of Adolescence*, 2004, 27(3): 319–336. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.03.007
11. Cherenkov D. A. Deviant behavior in social networks: causes, forms, investigation. *Nauka-Rastudent.ru*, 2015, (7). Available at: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (accessed 15 Jan 2021). (In Russ.)
12. Sharov A. A. Specificity of deviant activity of young people in the Internet environment. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (3): 255–261. (In Russ.)
13. Dooley J. J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review. *Zeitschrift fur Psychologie*, 2009, 217(4): 182–188. DOI: 10.1027/0044-3409.217.4.182
14. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, 2013, 42(5): 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2
15. Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. Bullying is power: Implications for school-based intervention strategies. *Journal of Applied School Psychology*, 2003, 19(2): 157–176. DOI: 10.1300/J008v19n02_10
16. Raskauskas J., Stoltz A. D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents. *Developmental Psychology*, 2007, 43(3): 564–575. DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.564
17. Compton L., Campbell M., Mergler A. Teacher, parent and student perceptions of the motives of cyberbullies. *Social Psychology of Education*, 2014, 17(3): 383–400. DOI: 10.1007/s11218-014-9254-x
18. Baturin N. A., Melnikova N. N. Technology of test development: part III. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2010, (4): 4–18. (In Russ.)
19. Byrne B. M. *Structural Equation Modeling With AMOS: Basic Concepts, Applications and Programming*, 2nd ed. (Multivariate applications series). N. Y.: Taylor & Francis Group, 2010, 396.
20. Nasledov A. D. *IBM SPSS 20 and AMOS: professional statistical data analysis*. St. Petersburg: Piter, 2013, 416. (In Russ.)
21. Runions K. C., Bak M., Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ). *Aggressive behavior*, 2017, 43(1): 74–84. DOI: 10.1002/ab.21663
22. Shmelev A. G. *Practical testology. Testing in education, applied psychology, and personnel management*. Moscow: Maska, 2013, 688. (In Russ.)
23. Steinberg L., Albert D., Cauffman E., Banich E., Graham S., Woolard J. Age differences in sensation seeking and impulsivity as indexed by behavior and self-report: Evidence for a dual systems model. *Developmental Psychology*, 2008, 44(6): 1764–1778. DOI: 10.1037/a0012955